

ЛЮДМИЛА БОЕВА (София)

ТРАДИЦИИ ТЪРНОВСКОЙ ШКОЛЫ В БОЛГАРСКИХ И РУССКИХ ЖИТИЯХ XVI В.

Търновская школа — одно из самых крупных явлений в средневековой славянской культуре. Традиции ее продолжали воздействовать десятилетия и даже столетия спустя как на болгарскую, так и на другие славянские литературы. В творчестве патриарха Евфимия, его учеников и продолжателей излюбленными жанрами были житие и похвальное слово, приближавшееся во многом к житию. В житийных повестях Търновской школы появились некоторые характерные новые черты, обогатившие художественные возможности литературного изображения: стремление конкретизировать события, уточнить характеристику главного героя, дать свое отношение к описываемому, вводя в житие еще неполный, несовершенный, но вполне земной образ повествователя. У Киприана, Григория Цамблака и Константина Костенечкого усиливается момент исторический и биографический, наряду с подчеркнуто пафосным, усложненным, риторическим стилем. Под пером авторов Търновской школы канонический панегирик святому постепенно начинал превращаться в биографию реального исторического героя.¹

После того, как Болгария подпала под османское владычество, о котором литературном подъеме можно говорить только в XVI в., когда, невзирая на тяжелые условия жизни в порабощенной стране, стала развиваться Софийская литературная школа, самыми яркими и характерными представителями которой были поп Пейо и Матвей Грамматик. В написанных ими житиях традиции търновской агиографии прощупываются довольно ясно. Но софийские книжники XVI в. не ограничиваются повторением прошлого, традиционные мотивы развиты и преобразованы, на их основе рождаются новые черты.²

¹ Евфимий и его последователи развивают традиционные жанры, приближая похвальное слово к житию, а житие к современной биографии, пишет Е. Георгиев. (Българската литература в общославянското и общоевропейско литературно развитие. С., 1973, с. 110; Търновската книжовна школа и нейното значение за развитието на руската, сръбската и румънската литература — В: Търновска книжовна школа. С., 1974, с. 74—75); ту же мысль о сближении жития и похвального слова см. у В. Ключевского. Древнерусские жития святых как исторический источник: М., 1871, с. 81 и др.

² П. Динев. Из историята на българската литература С., 1969, с. 122.

Характерные для зачаточного болгарского Предренессанса (по терминологии Д. С. Лихачева) религиозное оживление, усиленное внимание к человеку, интерес к его переживаниям, эмоциям, моменты конкретной детализации образов, а в некоторых случаях и индивидуализация героев, введение личностных, аутентичных моментов в повествование, отличавшие Тырновскую школу в лучших ее образцах, наследуют и софийские агиографы. В образе центрального идеального персонажа у них тоже сказались демократические, патриотические стремления, обусловленные желанием рассказать о своем, народном герое, пострадавшем за свою веру и правду, и почитаемом в родном месте житиеписца, в Тырнове или в Софии.³ Вместо канонического образа святого-мученика софийские книжники сумели создать положительного героя, в котором есть некоторые реальные, жизненные черты.

Действие в житиях Георгия и Николая Софийских происходит в типичной социально-исторической обстановке, которая легко нащупывается под графаретной житийной оболочкой. Это Болгария под властью османов, драконовские законы султанов и сопротивление населения против обращения в чужую веру. И герои обоих житий во многом типичны для Болгарии XVI в., хотя все опять прикрыто условной религиозной схемой, обязательной для целей житиеписца — показать образ идеального христианина, дать пример для подражания.

Авторы стремятся выразить коллективные чувства и коллективное отношение к изображаемому, поэтому они чаще всего используют традиционные образы и традиционные приемы. Традиционная повторяемость элементов художественного, схематичность и условность придавали персонажам житий абстрактный, обобщенный, вневременной характер. Обобщенность сочеталась с большой эмоциональностью, идущей от авторского сопереживания со своим героем. Если от канона шла обобщенность, то личные, конкретные черты персонажей в житиях происходили от их реальных прототипов. Влияние традиции, с одной стороны, и конкретной жизни, с другой — две линии, которые оказали главное воздействие на изображение положительного героя в житиях XVI в.

Оба жития написаны непосредственными свидетелями событий, знавшими героев, вдохновившими их на подвиг, бывшими заинтересованными участниками разыгравшейся перед ними страшной драмы. То, что агиографы меньше знали — рождение, воспитание, жизнь героев до прихода их в Софию, написано целиком по правилам общепринятого графарета, остальное, известное авторам по собственным наблюдениям, описано живее, правдивее и более впечатляюще. Там, где житиеписец не знает, основных фактов, он помогает себе традиционной образностью, религиозной риторикой, прибегает к примерам и сравнениям из церковных книг, к историческим и библейским параллелям, уподоблениям и т. под.

И все же интересные подробности есть и в каноническом начале житий. Оба героя происходят из среды самого народа, ремесленного сословия, трудовой части населения. Ремесленная, посадская часть горожан

³ Новаторство и оригинальность софийских агиографов XVI в. было столь явным, что некоторые исследователи отрицали всякую связь их произведений с предшествующей традицией. См., например, рецензию А. Яцимирского на книгу П. Сырку, где Яцимирский совершенно отрицает связь житий XVI в. с произведениями Евфимия Тырновского, Цамблака и др. См. его рецензию в журнале МНП, 1901, с. 249—263 (отд. оттиск).

обычно самая прогрессивно настроенная группа в народе, ядро будущего третьего сословия, носителя новых буржуазных, ренессансовых влияний. Николай — сапожник, Георгий — золотых дел мастер. Оба искусные работники, прославленные в своем ремесле. Именно за изящную, искусную работу определяет валашский князь Мирчо Николая к своему двору. Слава искусного ремесленника привлекла к нему внимание со стороны турок, решивших его приобщить к своей среде, обратив в свою веру. Под предлогом дать работу известному мастеру обращаются к Георгию ученый турок-посредник и сам турецкий судья. Оба героя отличаются своим трудолюбием, неплохо зарабатывают, не терпят бедностью.

Общностью реальных деталей отличается и описание их традиционного ухода из дома. У Георгия — это страх перед „кровной данью“, у Николая — тяжесть многодневного пешего путешествия, трудные и опасные дороги, полные разбойников, бродяг и скитальцев: „врати́е, бѣды на путн. бѣды въ горахъ. бѣды ѿ разбойникъ“⁴.

Во второй половине житий более реальными становятся обстановка, историко-битовой фон, рассказ о столкновениях героя турецкой фанатичной толпы, то, что агиографы сами видели и хорошо знали, но характер главного героя делается правильнее, образ начинает походить на икону. Теперь в соответствии с основной задачей жанра в нем подчеркивается только каноническая твердость в вере смирение, кротость. Если раньше, например, в характере Николая были некоторые более реальные, почти отрицательные черты — тяга к наживе, определенная эгоистичность, умение весело пожить, погулять, что и привело в конечном счете к трагедии, когда турки обрезали его, предварительно подпоив, то после пережитого им нравственного перелома он становится совершенно идеальным. Георгий, погибший всего 18 лет, с самого начала дан положительно. Разница двух образов вполне понятна — юный Георгий просто не успел ничего в жизни сделать и характер его едва сформировался, в то время как более старший Николай, человек семейный, видевший свет, много путешествовавший, имеющий жизненный опыт, обладает более сложным характером, его черты даны в развитии, описан перелом в результате психического потрясения и только затем нравственное перерождение и очищение. Авторы в этом отношении и логичны, и соблюдают художественную правду образов.

В обоих житиях присутствуют еще два важных и тоже положительных персонажа — это рассказчики, повествователи. Поп Пейо и Матвей Грамматик и агиографы, и действующие лица в житийном повествовании. Оба образа намечены бегло, нет их цельной характеристики, но их значение в сюжете очень большое. Оба выступают в житиях в одной роли — наставников, учителей, вдохновителей главных героев. Образы эти традиционны для многих житий, но обычно не играют там большой роли. В житиях Тырновской школы тема повествователя более развита, образ принимает некоторые индивидуальные черты. Жития XVI в. — новый этап в развитии этой линии.

Образы попа Пейо и Матвея Грамматика — автобиографические. Этот момент аутентичности придает колорит правдивости, реальности и

⁴ Житие цитируется по книге П.Сырку. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках: СПб., 1901, с. 35 и др.

целому сюжету, и образам главных героев. Оба образа появились в житиях непреднамеренно. Поп Пейо, например, стремясь придерживаться канона, зачинает рассказ в третьем лице, как предписывалось традицией. Тем характернее, что в самых трогательных моментах, в драматических местах он начинает говорить словно невольно в первом лице, от позиции бесстрастного рассказчика, переходя к роли взволнованного наблюдателя, участника совершаемых событий. Например, так сопереживает рассказчик с героем во время его допроса и бесстрашных ответов на суде: „Стоахъ же влнзъ его азъ н често възврае на нь н моле се“.⁵ А Матвей переходит к повествованию от первого лица, например, когда говорит о достопримечательностях Софии, видимо, настоящая любовь к родному городу заставила его забыть традиционную сдержанность: „... не вѣанчѣствѣнъ нлн заданномъ некн вѣанкымъ прѣвѣсходѣ. Калъ бѣ ми ползѣ в кнзчысьемъ храмѣ много словенемъ“...

Все жития по традиции начинались с обязательного авторского себязниженія, умаления. Каноны жанра предписывали агиографу позу незаметного, совершенно объективного и постороннего рассказчика. Личная заинтересованность, которую показывают житиеписцы XVI в., нарушала канон, но обогащала образ повествователя новыми красками. Собственное желание рассказать о страшных событиях чувствуется и в призыве Матвея: „нь по слоушатн молю вась, н вѣдетн нмаин что повѣдатн намъ хѣщеть повѣсть“ и в трогательном объяснении попа Пейо, почему он пишет: „прѣдъ мною подвнзакъ се“. „Сего радн речъ да не како безъ писаннн въ замѣненн прѣндеть подвнзъ его н бореннѣ.“

Образы наставников написаны в житиях примерно одними красками. Оба религиозны до фанатизма и готовы также, как их воспитанники, положить жизнь за веру и народ. Они известны в городе и пользуются большим авторитетом как в софийской общине, так и в турецкой среде, оба богаты, имеют богатый дом, где могут приютить любых своих приверженцев на долгое время. Они очень активно участвуют на стороне христиан в борьбе вокруг спасения невинно осужденных героев, еще более активную деятельность развивают ради того, чтобы добыть мощи погибших и добиться их посмертного почитания, потом канонизации. Если у Матвея на первый план выходят черты средневекового ученого, философа, знатока природы, географических, исторических и пр. особенностей своей страны, то в образе наставника в житии Георгия Нового выделяется прежде всего черты священника, проповедника, духовного отца и учителя прихожан. Оба образа имеют типичные черты лучших представителей средневековой общности, интеллигенции того времени.

Итак, в житиях XVI в. есть два вида положительных героев: идеализированный главный герой — пассивный страдалец за свой народ, в образе которого сливается идея борьбы за свою веру и свою народность; и автобиографический образ повествователя, рассказчика, а в то же время сподвижника, учителя и вдохновителя главного героя, организатора сопротивления, деятельного и влиятельного человека в целой болгарской

⁵ Цитируется по изданию Ст. Новаковича. Служба и живот св. Ђурђа Кратовца. — Гласник српског ученог друштва, к. IV, свеска XXI, 1867; с. 131—156.

христианской общине. Автобиографический образ повествователя особенно интересен, как раз от него перекидывается мостик к героям новой болгарской литературы.

Но софийские авторы XVI в. продолжили на новом этапе и другую традицию ефимиевской школы — традицию украшенного, пафосного, усложненного стиля, что особенно сказалось у Матвея Грамматика. До сих пор спорно, насколько обогащает, или наоборот, схематизирует литературную речь этот украшенный стиль. Несомненно, что он развивает выразительные и изобразительные возможности художественной речи, пополняя ее прежде всего за счет множества разнообразных синонимов, эпитетов, неологизмов, сложносоставных слов, причастных конструкций, обособлений, риторических речений, звукописи и пр. Верно и то, что этот стиль имел определенную внутреннюю наполненность и обусловленность. Его изощренность и усложненность родились как результат попыток словом точно отразить явление, передать художественной речью все сложные оттенки эмоций, переживаний героев и самих житиеписцев. Слово и явление почти отождествлялись. Слово становилось не символом, а отражением явления. Слову придавалось исключительное значение. Оно должно было быть и точным и высоким, почти одухотворенным.⁶ Там, где формальными языковыми средствами стремились полноценно выразить новое, сложное содержание, стиль „плетения словес“ имел реальную наполненность и в конечном счете обогащал литературу. Там, где он превращался единственно в средство для украшения, расцветивания, орнаментирования, приемы его механически повторялись, становились каноническими, он способствовал тому, что целое произведение делалось схематичным, сухим, лишалось как реалистических деталей, так и конкретных исторических фактов, описанных живым языком⁷.

Из болгарских агиографов XVI в. Матвей более следует канону пафосного стиля, особенно он ориентируется на произведения Константина Костенечкого. Сохраняя традиционную житийную триаду в композиции, он значительно расширяет историческую вводную часть в житии Николая Нового, подробно описывая и некоторые моменты из истории Влахии, Турции, Болгарии, а особенно распространено и прочувствованно географию, историю, местоположение, достопримечательности, святыни и т. д. Софии, родного места самого агиографа. Это патриотическое описание Софии дает необходимую рамку для образов положительных героев, как для страдателя за свой народ, так и для рассказчика, вождя софийской общины. Но все же стиль Матвея остается слышком риторическим, житие излишне многословным, местами даже темным.

В этом отношении от него отличается краткое, близкое к народному разговорному языку, более простое житие попа Пейо. Оно написано „по

⁶ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В: Доклады советской делегации на IV Международном съезде славистов. М., 1958, с. 20—23 и др.

⁷ Ср. оценку второго южнославянского влияния как засорявшего русский литературный язык у Ф. И. Буслаева, М. Н. Сперанского, А. С. Орлова и др. и анализ его внутреннего содержания, смысловой наполненности, данный Д. С. Лихачевым в выше названном докладе и др. работах. Лихачев особо подчеркивает, что стиль „плетения словес“ дает возможности и для проявления личных особенностей, индивидуальностей писателей, он не nivelировал, а укреплял индивидуальное начало в русской литературе.

льпотъ“, как предписывал патриарх Евфимий, но в нем автор еще больше, чем представители Тырновской школы, заботится о простоте и доступности своего языка и стиля.⁸ Поп Пейо рисует события лаконично, живо, увлекательно, умеет передать драматическое нарастание ситуации, до настоящего трагического пафоса поднимается он при описании гибели героя. Матвей Грамматик более традиционен, видимо он ближе к тырновским, книжникам, его своеобразие, сильные стороны лежат в философских, исторических и пр. отступлениях, вводных и заключительных рассуждениях, прежде всего там, где проявляется его патриотическая, гражданская настроенность.

У обоих агиографов отсутствуют исихастские идеи тырновцев, почти нет мистического элемента, сравнительно мало традиционных чудес, особенно у попа Пейо, который даже наивно раскрывает механизм выработки такого чуда (см. эпизод с похищением тела погибшего Георгия).

Произведения Софийской школы XVI в., по сравнению с завоеваниями Тырновской литературной эпохи, делают значительный шаг вперед к достижению художественно точного и реалистически верного изображения человека и его жизни.

В России второе южнославянское влияние, т. е. воздействие традиций прежде всего Тырновской школы — факт широко известный и достаточно исследованный, особенно что касается русской литературы конца XIV—XV вв. Влияние Тырновской школы выразилось тогда как в распространении украшенного стиля, тяготении к нормативности языка и композиционной формы произведений, так и в новом типе обрисовки человеческих образов. В литературу хлынули эмоции, авторы углубились не только в духовный мир своих героев, но впервые стали проявлять интерес и к своему собственному духовному миру, почувствовали потребность рассказать о нем. В этом интересе к человеку, конечно, все еще не выходящем за религиозные рамки, проявились предренессансные веяния, ощутимые уже в произведениях тырновских деятелей. Характерные черты, позволяющие считать этот период русским Предвозрождением, уже возникли в результате определенных исторических и общественных условий в русской литературе. Южнославянское воздействие их поддержало и усилило.

Ученые, исследовавшие исихазм, давно открыли в его идеологии элементы неоплатонизма,⁹ моменты, роднящие его с гуманизмом¹⁰, и т. под. Влияние исихастской идеологии проявилось в религиозной философии и трудах ряда выдающихся русских деятелей, например, Сергия Радонежского и его сподвижников: во вмешательстве их в государственные дела, в неприкрытой, земной амбициозности, организации монастырских обществ, в молчаливосте и пр. (ср. молчаливых ангелов Андрея Рублева, самого Сергия, вкусившего „сладости молчания“, его ученика Исаакия,

⁸ „Като се сравни стилът на поп Пейо със стила на неговите предходници, особено със стила на патриарх Евфимий Тырновски, веднага проличава голямата грижа на писателя за яснота“, подчерквае акад. П. Динев. (Литературни въпроси. С., 1963, с. 84).

⁹ См. работы П. Сырку, К. Радченко; В. Велчев. Тырновска книжовна школа и предренессансовото движение на Балканите. — В: Тырновска книжовна школа, с. 254; Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Л., 1973, гл. „Отражение предвозрожденческих черт в исихазме“, 93—102.

¹⁰ Г. М. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968, с. 93, и др.

прозванного Молчальником и пр.) Традиции Тырнова видны так же в стиле и эмоционально-чувственном богатстве образов у многих русских писателей этой поры. Самый оригинальный и талантливый из них, мастер „плетения словес“, многоискусный Епифаний Премудрый имел настолько своеобразный стиль и язык, что почти не доступен был для подражания. Громкое имя среди русских книжников имел и удивительно плодовитый агиограф южнославянского происхождения, риторик и панегирист Пахомий Логофет (Серб). Его усердно читали в древней Руси, ему же много подражали, учась от него искусству житиеписи. „Он нигде не обнаружил замечательного литературного таланта, мысль его менее гибка и изобретательна, чем у Епифания; но он прочно установил постоянные, однообразные приемы для жизнеописания святого и для его прославления в церкви и дал русской агиографии много образцов того ровного, несколько холодного и монотонного стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности“, пишет о нем В. Ключевский.¹¹ Именно через Епифания и Пахомия влияния Тырновской школы распространилось и на русский XVI в. Причем воспринималось оно по-иному, чем в произведениях авторов Софийской школы, и несколько иначе, чем у русских писателей предшествующего периода, хотя как раз через их посредство.

С возрожденческим влиянием связаны и интерес к филологии, критическая настроенность, стремление пересмотреть, исправить все старое. Особенно это касалось книжной продукции и переводческого дела. Идея пересмотра старых книг появлялась не раз и не в одной стране. Подобный пересмотр был в Греции, его начал проводить и Патриарх Евфимий. При нем исправление старых книг осуществлялось на базе нормализованного правописания и унифицированной графики. В основе его реформы лежало патриотическое желание выровнять болгарское письмо с греческим, восстановив все устаревшие буквы, давно отпавшие и не нужные надстрочные знаки, буквально соблюдая греческое правописание, построение греческой фразы, добываясь максимальной точности в переводах и т. п. (То же стремление греческим авторитетом поддержать значение русской церкви и государства было в основе печально знаменитых никоновских реформ XVII в. в России). Тут причина определенной консервативности этой реформы.¹² Наряду с этим были в ней и моменты обращения к Кирило-Методиевской традиции, к наследию Охридской и Преславской школ (с Преславской школой близость прежде всего в принципах переводческой техники), т. е., „своей античности“. Объединяло все эти начинания тырновцев стремление к грамматической и стильной унификации, к языковому единству в переводах, редакциях и оригинальных произведениях, что отличает и макарьевскую школу.

В России попытки реформы книжного дела предпринимались неоднократно и всегда производили впечатление меньшей революции, решительно принимаясь в штыки консервативными кругами. Первые шаги были сделаны еще при князе Василии Ивановиче, когда в 1518 г. на Русь с Афона был вызван для переводческой работы и для исправления книг княжеской библиотеки книжник Максим Грек. Проучившийся продолжительное время в Италии, общавшийся там с гуманистами, крупными фи-

¹¹ В. Ключевский. Указ. соч., с. 166.

¹² Ср. характеристику этой реформы в книге В. Сл. Киселкова. Проуки и очерти по старобългарска литература. С., 1956, с. 203—207.

дологами, Максим Грек, стоявший иначе прочно на позициях богословского мировоззрения, вынес из Италии критическую настроенность и разнообразие широкие познания. В своих многочисленных сочинениях, приняв сторону „заволжских старцев“ против иосифлян, он смело вмешался в политическую борьбу, церковные споры, критиковал государственные и общественные порядки. Исправляя книги, он основывался на более передовых по тому времени филологических взглядах. Все это не могло не вызвать упорного сопротивления, а сам Максим Грек поплатился за свою книжную деятельность двадцатью шестью годами монастырского заключения.

К действительно трагическим последствиям реформа книг и церковной обрядности привела в XVII в., когда она закончилась церковным расколом, значительно ослабившим русское государство.

Проверка книг, их собиранье, редактирование и объединение в виде монументальных сборников, проведенная в XVI в. митрополитом Макарием и его кружком, не вызвала потрясения основ, может быть, из-за своего консервативного, охранительного характера, или в связи со своей непоследовательностью, ограниченностью (а, может быть, и из-за характера проводившего ее Макария, которого и сравнить нельзя с властолюбивым, прямолинейным и страстным Никоном).

XVI в. в России — время укрепления русской централизованной монархии. Большая часть литературы этого периода стоит на позициях служения государству. Не совсем правомерно, по нашему мнению, вслед за Я. С. Лурье, Д. С. Лихачев в одной полемической статье определяет это время как период „замедления“ в литературном развитии, вызванном государственным вмешательством в литературу. („Эпоха искусственно оборванного развития литературы“)¹³. Нам кажется, что и в это время не было ни остановки, ни перерыва, хотя и обрабатывались прежде всего монументальные формы, возвышенный стиль, пафосный язык. Основной жанр XVI в. — монументальные своды, сборники, обобщавшие все предшествующее развитие. Основная идея этих монументальных начинаний — доказать, поддержать и продемонстрировать мощь русского государства, величие и святость русской церкви и под. Обобщающий все древнее искусство этап был необходим, может быть, как плацдарм для подготовки переломного XVII в. Конечно, это возвращание назад к старой традиции церковно-славянского письма, к евфимиевской школе, но это и использование традиции для новых целей, наполнение ее новым идейным содержанием, а вместе с тем доведение определенной линии до вершины. После XVI в. создавались уже иные жанры, в главной линии литературного развития стояли повести — исторические, бытовые, сатирические. Жития, написанные в XVII в., уже перерастали в социально-бытовую (Житие Юли-

¹³ Д. С. Лихачев. Будущее литературы как предмет изучения. — Новый мир, кн. 9, 1969, с. 167—184. „Первое такое „замедление“, пишет автор, открытие которого принадлежит Я. С. Лурье, произошло в XIV в. — под влиянием борьбы с ересями в первой половине XVI в. и попыток правительства Грозного направить в середине XVI в. развитие литературы по пути больших „обобщающих“ литературных предприятий. Во второй половине XVI в. развитию литературы препятствовал обычный политический террор“ (с. 178). Более точной представляется нам характеристика XVI в. в книге Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, где Д. С. Лихачев пишет: „XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров“ (с. 130). Ср. также Я. С. Лурье. Судьбы русской беллетристики в XVI в.: — В: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 387—450.

ании Лазаревской) или автобиографическую повесть (Житие Аввакума). Создаются и окончательно разрушившие жанр пародии на жития.

Макарий и его кружок поставили себе за цель — упорядочить русский православный Олимп, что и было сделано на двух соборах путем канонизации ряда местных святых, централизации и объединения церковных почитаний и пр. (церковные соборы 1547 и 1549 гг.). Эти реформы имеют параллель в болгарских событиях тырновской эпохи. Сначала при Феодосии, потом при Евфимии проводились церковные (в соответствии с иерусалимским уставом видоизменялось богослужение) и особенно календарные реформы — унификация календаря болгарской церкви, уточнение мест праздников, времени празднования отдельных святых и пр. Макарьевский кружок поставил далее перед собой еще более широкие цели — дать каждому официально почитаемому святому его собственное официально признанное житие, собрав воедино все старые жития и написав новые. О размахе работы свидетельствуют следующие цифры: к началу преобразований было всего 22 святых, почитавшихся всей русской церковью, и 45 местных угодников, соборы канонизировали еще свыше 70 человек.¹⁴

Централизация государства и церкви, унификация церковных обрядов, культа святых и пр. неизбежно породили и унификацию церковно-литературных произведений, их стиля, языка. Все жития, как старые, так и новые, должны были быть написаны или отредактированы в одном духе, по единому штампу. Осуществить стильное единство, которое было целью книжной работы школы Евфимия, стало необходимой задачей и в начинаниях макарьевского кружка. Образцом для них стали жития агиографов предшествующего периода и прежде всего Пахомия Серба, привлечшего внимание членов кружка как раз отсутствием личного, фактического, общей абстрактно-панегирической концепцией его житий, не слишком изощренным, но пафосным стилем, идеализирующей сюжетной схемой, которой можно было с успехом пользоваться и в тех трудных случаях, когда необходимо было написать биографию святого, о конкретных фактах жизни которого почти ничего не было известно.

Таким образом, жития, написанные и отредактированные в „макарьевском“ духе и вошедшие в составленные им Великие Четвы-Минеи, отличаются в массе своей обязательной трехчленностью (идушей еще от Метафраста и Евфимия), панегирическим, украшенным стилем, который здесь зачастую совершенно затемнял, абстрагировал фигуру главного героя, сглаживал исторические детали, лишал повествование какой-либо конкретности. В отличие от практики Софийской школы и в расхождении с тырновскими традициями почти совершенно исключалась фигура повествователя. Только по традиции в развернутых вступлениях был чисто этикетный образ „грешного писца“: „Аз же грѣшнѣйшій прѣхъа въ помыслѣ, глаголя: откуду и како дръзнути ми на сіе великое дѣло, предлагая свою грубость и неразуміе, и въ глаголахъ неискусна, и свѣтѣа слова не учена, и божественаго писанія вконецъ не знающа? Но пакы помыслазъ беспрестанн понужаше мя, юже слышахъ и видѣхъ на средѣ нзъявѣтн... Азъ же грѣшнѣйшій, послѣднѣй въ нноцѣхъ, не смѣя рещи, еже въ святѣнне-

¹⁴ Е. Голубинский. История русской церкви. Т. II. М., 1911, с. 593—594.

лѣхъ, дѣръзнухъ¹⁵...“ и т. д. Очень типичное начало жития Иосифа Волоцкого, автор которого епископ Крутицкий Савва Черный. Его индивидуальность как писателя, повествователя совершенно скрыта под традиционными абстрактными формами.

Стиль в Великих Четых-Минеях вообще сильно формализовался, многие его приемы механизировались. „Литературный этикет отрывается от живой потребности в нем, пишет Д. С. Лихачев. Появляется некоторый „этикетный маньеризм“¹⁶ Но как ни распространен этот стиль, в тех же сводах мы найдем и отступления от него и неожиданные сюжетные, занимательные моменты и яркие конкретные подробности и внимание к живому герою. В них подчас появляются мотивы, „в которых красной нитью проходят черты нежности, созерцательности, внимательного отношения к человеческой личности, особой „акварельности“... Значительно растет психологическая наблюдательность писателей“¹⁷.

В том же житии Иосифа Волоцкого, составленном Саввой Черным, которое является в общем-то образцом абстрактного, неконкретного, пафосного писания, есть и интересные живые места. Написанное вскоре после смерти своего героя, человеком близко его знавшим, оно не могло обойти многих действительных фактов, включает в текст реальные детали, колоритные, живые подробности, яркие психологические моменты. Так, прочувственно, но и с психологической наблюдательностью описаны отношения героя к своим родителям, особенно к престарелому отцу, о котором он заботился долгие годы: „Възя же н отца своего к себѣ в келію, н облече н въ святыи нноческій образ... н во всемъ нужу его подымая н крома своимн рукама: бяше бо он в велнцѣи немощн, въ ослабленіи рукама н ногамн. Іосиф же въ всемъ вся бысть ему: н же старецъ, н учитель, н слуга...“¹⁸

И все же возвышенный, абстрагирующий стиль более типичен для макарьевских сводов, он именно отвечал эстетической установке этой школы. Идеально было бы сравнить Великие макарьевские Четых-Минеи и Евфимиевский состав Четых-Миней, образность, идейность, стиль. Подробное изучение полного состава этих памятников многое бы объяснило в процессах развития русской и болгарской литератур. Но и сейчас налицо общность многих представлений, формальных признаков, стилевых норм. Как Тыновская школа, так и макарьевский кружок заботятся о художественности, впечатляемости своих произведений. Макарий тоже призывает писать „по лѣпотѣ“, образцово, поэтично, как это понималось в XVI в. Герои житий авторов макарьевской школы — тоже высоко нравственные личности, образцы для поведения, обобщенные носители всех христианских добродетелей. Если патриотизм тырновцев проявлялся в том, что они писали жития своих, болгарских святых, особо почитаемых в Тырнове, и тем самым как бы защищали авторитет болгарской церкви перед византийской, то русские агиографы XVI в. способствовали защите общегосударственных идей, прогрессивных для их времени централизаторских тенденций.

¹⁵ Великія Четин-Минеи. I. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868. с. 454.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII в., с. 135.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Указ соч., с. 135.

¹⁸ Великія Четин-Минеи. I. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868, с. 459.

Но значение труда митрополита Макария еще шире. В трех списках 12-томных Великих Четых Миней за десятилетия работы над ними были собраны все известные к XVI в. древнерусские произведения, признававшиеся русской церковью, и даже некоторые апокрифы.¹⁹ Создана была, таким образом, своего рода литературная энциклопедия XVI в. Как пишет сам Макарий, начиная традиционной формулой самоунижения: „се азъ смиренъный и грьшъный Макаріе, митрополантъ всеа Русіа... писалъ есмн и събралъ и въ едно мѣсто нхъ совокупляя дванадѣятъ лѣтъ многимъ мнѣніемъ и многимъ различнымъ писарн, не щедя сребра и всякихъ частей“ и в своде сем „въ святыхъ книгъ събраны и написаны, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются“²⁰.

В огромный свод Великих Четых Миней, по счету монаха Евфимия, составившего оглавление Миней по Царскому списку, входит не менее 27 057 страниц или 13 528 больших листов с двумя столбцами текста на каждом. В него вошли целиком старая Четья-Миней, оба Пролога, отдельные житийники, целые книги Священного писания с толкованиями, творения отцов церкви, церковных писателей, Патерики (азбучный, иерусалимский, египетский, синайский, скитский и пещерский), разные сказания и повести, притчи и путешествия, Кормчая книга, послания, грамоты и т. п. Вошли в него и вновь составленные жития, основывавшиеся на некоторых письменных и устных источниках, но чаще на устных легендах.²¹ Как раз новые жития чаще всего писались (за отсутствием конкретного материала) по готовому шаблону' закрепленному для этого жанра Тырновской школой.

На основании устного рассказа афонских монахов-паломников, по просьбе Макария, пресвитер Илья в Пскове написал русский вариант жития Георгия Нового Софийского, интересным образом отличающийся от своего болгарского аналога, созданного попом Пейо.²²

В своде есть и другие болгарские материалы. Включены в него труды самого патриарха Евфимия и его учеников и последователей, из которых шире представлен Григорий Цамблак. Так, в октябрьских минеях находим „Житіе и жизнь преподобныа матерн нашея Прасковн, съписанное Евфиміемъ патріархомъ Тръновскимъ. Къ концу же слова, и како пренесена бысть въ славну Сръбскую землю, съписано Григоріемъ Цамблкомъ“²³, потом житие и память Иоанна Рилского, житие Илариона Мгленского с упоминанием о „царствующемъ“, „богоспасенемъ и богохранимомъ градѣ Терновѣ“, житие Константина философа, „блаженнаго учителя нашего“, и „слово похвално“ „учителемъ Словенску языку, сътворшему письмены

¹⁹ Сам Макарий не исключал такой возможности: „посредъ тѣхъ святыхъ книгъ написано ложное и отреченное слово“... Великія Четии-Миней I. Сентябрь. Дни 1—13 СПб., 1868, „Летописецъ“, с. I.

²⁰ Там же, с. I.

²¹ Из 60 новых житий и редакций, составленных при Макарии, „можно насчитать не более 12, которые бесспорно принадлежат очевидцам описываемых святых или в которых можно подозревать перо современников“, свидетельствует В. Ключевский. Указ. соч., с. 410.

²² Конкретно см. в статьях акад. П. Динеева и И. Калиганова.

²³ Великія Четии-Миней. Октябрь. Дни 4—18, СПб., 1874, стлб. 1021—1042.

ему²⁴ Кириллу и Мефодию. В декабрьских минеях читается отрывок из жития Стефана Дечанского Цамблака, его же похвальное слово трем отрокам и Даниилу пророку²⁵, в сентябрьских „Еуфимья, патриарха Тернувского, повесть о обновленіи храма Христа Бога нашего Въскресеніа²⁶ и т. д.

Основной материал макарьевского свода — краткие и пространные жития и торжественные, похвальные и поучительные слова на праздники и памяти святых, но входят, в него и светские, беллетристические произведения, такие, как „Повесть о Варлааме и Иоасафе“, „Сказание о Вавилоне“. Беллетристические, занимательные черты присутствуют и во многих житиях, прежде всего дни сохранены в большинстве древних произведений, так как редакторы не отваживались исправлять старинные церковные тексты. Так, свободным построением и увлекательным сюжетом отличаются похожее на приключенческий любовный роман житие блаженной Феодоры, наивно-фантастическая повесть о мучении и воскресении 300 лет спустя семи эфесских отроков; со всеми невероятными занимательными элементами переписана легендарная повесть о чудесном путешествии в Иерусалим на бесе Иоанна Новгородского и т. п. Но произведения более поздние, такие, как, например, исключительно своеобразное житие Михаила Клопского, юрдового и предсказателя, или необычная построением и содержанием повесть о Петре Ордынском и др., были подвергнуты значительной обработке. Из них исключались все яркие детали, выпрямлялся сюжет, конкретные моменты обобщались и абстрагировались, добавлялись обязательные расширенные риторические вступления и заключения и т. п. Они полностью подводились под общий житийный шаблон. Процесс редакционной правки хорошо демонстрирует работа Василия Тучкова над переложкой жития Михаила Клопского или сравнение старого жития Александра Невского, более близкого по своим жанровым признакам к воинской повести, с написанным на его основе специально для макарьевского свода похвальным словом. Авторы не включили в Великие Четьи-Минеи ни житий просто написанных, близких к историческим биографиям, ни тем более таких популярных произведений, как сказочно-поэтическое житие Петра и Февронии, что опять-таки совершенно точно свидетельствовало об эстетических установках писателей эпохи „второго монументализма“ (по терминологии Д. С. Лихачева).

Весь материал в Великих Четьих-Миней располагался по 12 месяцам года, неделям и дням. Композиция книги была очень стройной, каждый месяц содержал примерно одинаковое количество необходимого полезного чтения, материал для которого подбирался обязательно в нужном количестве, несмотря на свое разнообразие. В основе подбора было имя автора или героя житийного произведения, т. е. за житием святого помещались и все произведения, написанные героем жития или его агиографом, или известные под их именами.

Итак, русские и болгарские жития XVI в. продолжили и развили традиции евфимиевских житийных повестей, притом как бы в двух основных направлениях. Софийская школа развивает демократические и патриоти-

²⁴ Великія Четьи-Минеи. Октябрь. Дни 4—18, стлб. 1515—1530, дни 19—31, 1880, стлб. 1537—1541, 1682—1732, 1733—1734. Опять Октябрь. Дни 4—18, стлб. 976—1010, 1010—1021.

²⁵ Там же. Декабрь. Дни 6—17. М., 1904, стлб. 645, 1184.

²⁶ Там же, 1. Сентябрь. Дни 1—13, СПб. 1868, стлб. 661—666.

ческие мотивы, образы главного положительного героя и автобиографический образ повествователя, наряду со стильно-композиционной общей схемой. Русская официозная Макарьевская школа берет нормативность тырновцев, идею исправления старых книг и правил писания, уточнения переводов, перенимает общую сюжетную схему. Евфимиевская школа помогла в России в выработке официозного славянского стиля, способствовавшего укреплению идеи могущества русской государственности. В болгарских житиях XVI в. тырновские традиции легли в основу идейных и художественных принципов софийской школы, основным смыслом деятельности которой была защита патриотических стремлений болгарского народа, его народной самостоятельности.

Говоря о влиянии Тырновской школы, надо хотя бы бегло отметить, что следование определенным традициям ни в коей мере не лишает их самостоятельности. Русские национальные черты украшенного стиля подчеркивали многие советские ученые (например, в отношении своеобразия Епифания Премудрого и др.), определенная оригинальность присутствует и в писаниях житиеписцев Макарьевской школы XVI в. — в целях, идейной направленности, языковых средствах и др. Точно также, воспринимая уроки прошлого, софийские книжники XVI в. стремятся их не только продолжить, но и развить по-новому в новое время.

В русской литературе XVI в. житийная повесть развивается по принципам роста условности, трафарета, закрепления канона, исчерпывая до конца возможности жанра. Следующие произведения (житие Аввакума и под.) формируются путем жанровой ломки, преобразования жития фактически в другой жанр, чаще всего в повесть. В болгарских житиях XVI в. развивается как краз момент автобиографический, личный, есть попытки дать героям не только обобщенно-образцовую, но и в какой-то мере индивидуальную характеристику. От этих житий, таким образом, идет линия преемственности к произведениям, ломающим старые церковные жанры, таким, как великолепное „Житие и страдания грешного Софрония“.

В русской литературе авторское начало, методы индивидуальной характеристики, личный стиль развивались в то же самое время в других жанрах (в публицистике, произведениях И. Пересветова, Ермолая-Еразма, своеобразной по языку и стилю, по таланту авторов переписке Грозного с Курбским и пр.). В порабощенной Болгарии XVI в. житие было единственным подходящим жанром для проявления прогрессивных идей, для выявления авторской индивидуальности. В его недрах в эту пору осуществлялось поступательное литературное движение.

Таким образом, традиции Тырновской школы обогащали славянские литературы еще столетия спустя, в каждом конкретном случае из них бралось то, что в настоящий исторический момент могло помочь художественному развитию той или иной национальной литературы. Традиции ложились в основу своих новаторских достижений, способствовали созданию новых оригинальных произведений.

